

—

Три дня назад Чжу Мин и Лян Дачао встретились в кокосовом кафе на берегу моря, подышали влажным морским воздухом и заказали два освежающих кокосовых сока.

После фейерверка, в обмен на помощь Си Сяньцину, Чжу Мин получил три совместных отпускных фотографии, чтобы обмануть Чжу Инъин.

Он лично считал это довольно выгодной сделкой.

Эта услуга заключалась в том, чтобы разобраться в прошлых отношениях между Шэнь Ин и Цзи Жун.

Но Шэнь Ин отказывалась говорить, а Цзи Жун в ярости выгнала их, так что оставался только один выход – Лян Дачао.

«Мне так неловко, доктор Чжу, этот обед обязательно за мой счет».

Лян Дачао, обхватив кокос, жадно сделал два глотка и печально вздохнул: «Вы и так проводите бесплатные консультации, а я не только плохо вас принимал в эти два раза, но еще и каждый раз впутывал вас во всякие неприятности... Мне стыдно смотреть вам в глаза».

Чжу Мин с улыбкой покрутил соломинку в руке: «Ничего страшного, расскажите мне, что именно случилось с вашей управляющей? И когда у нее начала выпадать шерсть?»

«У А'Жун шерсть выпадает уже третий месяц».

Лян Дачао вздохнул: «Поначалу это были всего лишь небольшие клочки, поэтому мы еще могли кое-как собирать их сенсорными перчатками, и в магазине хотя бы не было так грязно».

«Но потом это становилось все хуже и хуже, так что теперь, когда в магазине есть посетители, она обычно прячет свою духовную форму, и лишь изредка выпускает ее на кухне, чтобы та немного расслабилась».

Лян Дачао злобно стукнул по столу, и хвост большого золотистого ретривера рядом с ним бешено завилал: «Но разве это нормально – прятать свою духовную форму каждый день? Как тогда общаться? Как жить? Каким же подавленным должен быть внутренний мир!»

Вспомнив кое-кого, кого ему приходилось уговаривать, чтобы тот хотя бы ненадолго показал

свою большую зеленую птицу с глазами-бусинками, Чжу Мин согласился: «Действительно».

«В большинстве клинических случаев выпадение шерсти у духовной формы вызвано крайней степенью тревожности их владельца».

Белая лиса у ног слегка прищурилась, и Чжу Мин сказал: «Если я не ошибаюсь, источник беспокойства вашей начальницы должен быть связан с госпожой Шэнь Ин».

Через мгновение он увидел, как Лян Дачао хмыкнул, и хвост золотистого ретривера у его ног тоже опустился.

Чжу Мин осторожно вставил: «Неужели они... когда-то были врагами?»

Лян Дачао посмотрел на него так, словно услышал что-то совершенно абсурдное: «Врагами? Напротив, они когда-то были, можно сказать, неразлучными сиамскими близнецами!»

«А'Ин... ой, нет, Шэнь Ин, точнее говоря, она нынешний представитель Второго округа».

Лян Дачао явно не привык к такому обращению и с трудом переключился: «Однажды снежной ночью два года назад она потеряла сознание у задней двери булочной, и А'Жун ее подобрала».

«Она мало говорила, была тихой и спокойной, лишь сказала, что ищет работу», – с горькой усмешкой сказал Лян Дачао. «А'Жун позволила ей остаться».

«А'Ин работала усердно и ловко, но ее способности к управлению магазином были еще лучше. Она предложила обновить меню, изменить бизнес-модель, и в сочетании с отличными кулинарными способностями А'Жун их навыки отлично дополняли друг друга, и дела в магазине пошли все лучше и лучше».

«Мы все считали А'Ин членом семьи, тогда мы думали, что она бедная девушка без дома, скитающаяся по свету».

Лян Дачао сглотнул: «Но мы и представить себе не могли, что она на самом деле богатая наследница, которая просто сбежала из дома, чтобы испытать все прелести жизни».

—

Тем временем Шэнь Ин в белом атласном ципао, с холодной и мягкой аурой, спокойно сидела в отдельной комнате, сложив руки на коленях.

«Господин Си, такой талантливый дизайнер, как вы, конечно, разбирается в эстетике дизайна

лучше, чем мы, простые обыватели».

Тон Шэнь Ин оставался спокойным и уверенным: «Просто в управлении рестораном участвует много людей, и хотя я являюсь управляющей, мне трудно уследить за всем».

«Такие мелочи, как посуда и салфетки, обычно разрабатываются и контролируются другими сотрудниками команды».

Ее рука легко скользнула по салфетке, она спокойно взяла стоявший рядом чайник и налила немного чая в чашку Си Сяньцина: «Этот узор выглядит гармонично, и смысл у него хороший, поэтому я его и выбрала».

На ее лице не было особых эмоций, но Си Сяньцин заметил, что розовая змейка, обвивавшая ее запястье, беззвучно съежилась и заползла глубже в рукав ципао.

Си Сяньцин ничего не сказал, только кивнул: «Вот оно что».

«Во время нашей прошлой встречи вы несколько раз упоминали своего отца».

Кончики пальцев Си Сяньцина скользили по слегка горячему краю чашки: «Господин Шэнь владеет несколькими курортами во Втором округе, у него также много филиалов ресторанов, и он несколько раз подряд избирался представителем, что делает его легендарной фигурой во Втором округе».

«Конечно, вы, как наследница, тоже очень талантливы».

Си Сяньцин посмотрел в глаза Шэнь Ин: «Просто, приняв на себя дела отца в столь юном возрасте, вы, вероятно, испытываете немалое давление и ожидания со стороны окружающих».

Шэнь Ин была немного удивлена внезапной сменой темы Си Сяньцином.

Через некоторое время она слегка кивнула, и, открыв рот, произнесла уже до боли знакомую фразу: «Конечно, но отец с детства был очень строг в своем воспитании, поэтому теперь, даже оставшись одна, я могу спокойно справляться с давлением со всех сторон».

Эти слова она уже бесчисленное количество раз говорила средствам массовой информации, журналистам и в журнальных интервью.

Поначалу она немного нервничала, но потом эти фразы стали чем-то вроде мышечной памяти, срываясь с губ почти бегло и бездумно.

Тонкие коричнево-зеленые чайники в чашке, вращаясь, опускались на дно.

«У меня есть последний вопрос».

Си Сяньцин кивнул и, спокойно глядя в глаза Шэнь Ин, спросил: «Госпожа Шэнь, не думали ли вы о том, какой была бы ваша жизнь, если бы вы не были дочерью господина Шэня?»

Шэнь Ин внезапно замерла: «Что?»

«Полностью следуя зову своего сердца, не принимая во внимание статус, не думая о возможных ограничениях».

Она услышала, как Си Сяньцин спросил: «Какой бы вы хотели видеть свою жизнь в мечтах?»

—

«В тот год А'Ин и А'Жун вместе разработали новое меню, они вместе разработали тотем и отремонтировали магазин».

Под пляжным зонтиком на берегу моря Лян Дачао смотрел на море и печально вздохнул: «Дела пошли лучше, чем когда-либо, и тогда А'Ин предложила нам попробовать подать заявку на участие в выборах представителя в этом году».

«Она сказала, что, хотя мы и маленький бизнес на побережье, у нас очень высокий уровень поддержки среди населения, и, возможно, мы сможем стать темной лошадкой».

Но если вы внимательно посмотрите на биографии представителей за последние десять лет, то обнаружите, что все они родом из гор, будь то роскошные отели или курорты, все они из тех предварительно забронированных, сказочно элегантных ресторанов.

Пекарня в приморском городке и эти роскошные элитные рестораны изначально имели разную аудиторию. Хотя все любят лепешки, но кто бы назвал пекарню своим «любимым рестораном»?

Так что мы никогда ни на что не надеялись».

Лян Дачао сказал: «Но А'Жун не такая, она очень доверяла А'Ин, и она больше всех нас любила этот магазин. Поэтому в тот год они действительно очень старались».

Чжу Мин вспомнил: «Я помню, система кандидатов во Втором округе заключается не в выборе людей, а в голосовании населения за рестораны, верно?»

Лян Дачао кивнул и с горькой улыбкой сказал: «Это означает, что человек с гор, за которым стоят бесчисленные финансовые магнаты, если у него много ресторанов и если отзывы о каждом ресторане исключительно хорошие, то...»

Чжу Мин задумчиво продолжил: «Он может легко стать представителем».

«Не просто стать, он даже может быть переизбран», - кивнул Лян Дачао. «С момента основания Второго округа самый долго занимавший эту должность человек был переизбран целых пять раз».

Чжу Мин что-то смутно почувствовал.

«Этого человека звали Шэнь Чжаошань, и он был нашим соперником в тот год».

Лян Дачао уныло сказал, а золотистый ретривер за его спиной понуро лег на землю: «Известный шеф-повар, предприниматель, филантроп, он был из другого мира, не из нашего».

Чжу Мин что-то смутно почувствовал: «Эта фамилия...»

Лян Дачао посмотрел на него и кивнул: «К сожалению, в тот год представителем все же стал Шэнь Чжаошань».

«В конце концов, его новый ресторан завоевал репутацию благодаря дорогим ингредиентам, и его поддерживали и рекламировали бесчисленные знаменитости из других округов, его популярность была не того уровня, что у нас».

Лян Дачао почесал затылок: «Хотя все немного расстроились, но результатом в виде второго места мы были очень довольны».

«А'Жун немного расстроилась, и это было в пределах наших ожиданий».

Лян Дачао сделал паузу: «Но А'Ин, казалось, была особенно разочарована. Она была так разочарована, что почти сошла с ума».

Чжу Мин почувствовал, что история подходит к самому важному моменту: «А потом?»

«А потом она внезапно исчезла».

Лян Дачао поджал губы: «Однажды утром, после того как были объявлены результаты выборов представителя в том году, без каких-либо признаков или записок, она просто внезапно... испарилась».

Чжу Мин замер: «...Что?»

«Когда мы увидели ее в следующий раз, это было три месяца назад, она появилась на телевидении как Шэнь Ин, представитель Второго округа этого года».

Лян Дачао: «Тогда мы и узнали, что она не А'Ин, она Шэнь Ин».

—

«Господин Си, я здесь, чтобы помочь вам выполнить ваше задание».

Улыбка на лице Шэнь Ин слегка застыла: «Разве мы не должны обсуждать вопросы, связанные с ювелирными украшениями? Я не думаю, что эти вопросы сейчас как-то помогут вашей аттестации».

Лицо Си Сяньцина не изменилось: «Простите, представления клиента о жизни часто являются частью моего поиска вдохновения для работы. К тому же, во время нашего предыдущего разговора вы много говорили о своем отце, поэтому я невольно позволил себе лишнее».

Он оглянулся, и Е Лу мгновенно поняла его, начав убирать со стола чертежи и украшения.

Это была их вторая встреча, и согласно правилам аттестации, в будущем оставалась только одна возможность для общения.

По идее, при следующей встрече Си Сяньцин должен был показать готовые эскизы.

Шэнь Ин думала, что у Си Сяньцина будет много вопросов, но не ожидала, что он так быстро закончит разговор.

Она удивленно спросила: «Вы... так быстро уходите?»

Си Сяньцин кивнул и встал: «Я получил большую часть необходимой мне информации, и нет необходимости больше тратить ваше время».

Шэнь Ин невольно вздохнула с облегчением, поправила выражение лица и мягко сказала: «Оставайтесь на ужин, мы только что обновили наше сезонное меню».

Си Сяньцин покачал головой и вежливо отказался: «Нет, спасибо, предоставленный вами курорт и обслуживание с питанием уже более чем достаточны».

Увидев, что он настаивает на уходе, Шэнь Ин не стала настаивать и тоже встала: «Это моя

обязанность».

Подойдя к двери ресторана, Си Сяньцин обернулся.

«Кстати, те белые восковницы с прошлого раза очень понравились моей... семье».

Произнося слово «семья», Си Сяньцин едва заметно запнулся: «Он просил передать вам благодарность, а также хотел сделать вам ответный подарок. Я уже попросил оставить его на стойке регистрации».

Шэнь Ин замерла и улыбнулась: «Ваш супруг очень любезен, спасибо».

Си Сяньцин кивнул и сел в машину.

На лице Шэнь Ин застыла безупречная улыбка, она проводила взглядом удаляющуюся машину, и через некоторое время улыбка медленно исчезла, она повернулась с бесстрастным лицом.

В ресторане было тихо, настолько тихо, что она немного растерялась. Только две чашки чая дымились на столе в гостинной.

Хотя это был ее ресторан, стены которого были увешаны медалями и фотографиями, полученными ею после избрания представителем, она чувствовала себя здесь чужой и одинокой.

В конце концов, дизайн элитной мраморной барной стойки, столов и стульев, пейзажа, фарфора и даже меню – все это было выбрано под контролем и по требованиям Шэнь Чжаошаня при его жизни.

За исключением вишневого дерева во дворе и маленького тотема, вышитого на салфетке, ни один уголок не принадлежал ей по-настоящему.

Гости и средства массовой информации всегда приходили под именем «дочери Шэнь Чжаошаня». Похвалы всегда звучали как «каков отец, такова и дочь».

Они восхваляли ее способности, хвалили ее блюда, восхищались ее мастерством владения ножом, прославляли ее талант, но все ее существование было окутано репутацией Шэнь Чжаошаня.

Она не раз думала о том, чтобы сбежать, но в конце концов понимала, что это бесполезно. Даже сейчас, когда Шэнь Чжаошаня уже не было, она, кружась на одном месте, все равно оставалась в том маленьком мирке, который был в тени его влияния.

Уголки губ Шэнь Ин беззвучно дрогнули, она повернулась.

Ее взгляд случайно упал на стойку регистрации, и ее зрачки мгновенно и беззвучно сузились.

Она увидела бумажный пакет, тот самый «подарок», о котором говорил Си Сяньцин.

Пакет был грубым и дешевым, она не знала, что в нем, по краям даже проступило небольшое масляное пятно.

В самом центре пакета был напечатан маленький тотем.

Шэнь Ин беззвучно моргнула, и почти мгновенно ей показалось, что она снова оказалась у печи, ее щеки были испачканы мукой, и она вместе с тем человеком разрабатывала этот тотем.

«Ты вообще рисовать умеешь?.. Почему я выгляжу как толстое облако?»

«Потому что у тебя слишком много вьющихся волос».

В уголке пакета были напечатаны четыре маленьких иероглифа.

Пекарня Цзи [□□□□]

—

<http://bllate.org/book/14498/1283131>